

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ценность богословия Илариона заключается, конечно, не в том, что он создал несколько оригинальных концепций или внес в православную мысль какие-то новые категории. Нет, его заслугой является то, что на пороге XX века он попытался со всей отчетливостью сформулировать святоотеческое учение о Церкви. Разумеется, у такого подхода есть свои недостатки. Богослов, хотя и должен опираться на святых Отцов, все же не должен ставить себя в полную зависимость от них. Зависимость от материала сказывается в работах Илариона. Так, например, концепция «обожения» практически у него отсутствует, по той причине, что львиная доля источников, использованных в «Очерках из истории догмата о Церкви» – это латинские отцы, для которых концепция обожения не была характерна. С другой стороны, самостоятельность мысли Илариона вполне очевидна. Иначе она не вызвала бы такой реакции в русском богословии. Труды патриарха Сергия, Николая Афанасьева, прот. Георгия Флоровского писались с оглядкой на архиепископа Верейского.

Вообще, в XX веке пока самыми ценными достижениями в области богословия являются плоды не спекулятивной мысли, а труда людей, посвятивших себя изучению святых Отцов. Возможно, этот этап является приуготовительным, но в таком случае тем более его надо было пройти со всем тщанием. И слава Богу, что за это взялся такой усердный работник на ниве Церкви и такой блестящий ученый, как святой Иларион.

Н.П. Зимина
Москва – Уфа

«И ПОВЕДУТ ВАС ЗА ИМЯ МОЕ»: АРХИЕПИСКОП ГРИГОРИЙ (КОЗЛОВ) В КОЛЛИЗИЯХ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ 1920-х – 1930-х гг.

Архиепископ Григорий (Козлов) является одним из тех православных архиереев, чье служение пришлось на первые послереволюционные десятилетия, когда кардинальным образом изменилось положение Церкви в Российском государстве. Стратегической задачей новой власти, как формулировали ее большевики, было скорейшее искоренение религии и полное уничтожение Русской Православной Церкви. Основными тактическими приемами решения этой задачи в 1920-е – 30-е гг. являлись организация и всемерная поддержка внутрицерковных расколов, первым из которых стал инспирированный ГПУ обновленческий раскол; выявление «контрреволюционных», т.е. строго православных церковных течений и их ликвидация; выявление «черносотенной», т.е. наиболее стойкой части духовенства и верующих, и ее «изоляция». Соответственно, основными задачами Церкви была борьба за сохранение церковного единства, противодействие возникновению и распространению

расколов, поиск путей сохранения Церкви в государстве, исповедующем идеологию воинствующего атеизма.

Основная тяжесть ответственности за судьбу Церкви лежала на плечах высших церковных иерархов. Между тем в отечественной историографии до сих пор важной и достаточно далекой от разрешения является проблема исследования жизни и деятельности архиереев Русской Православной Церкви, их позиции по дискуссионным вопросам церковной политики в 1920-е – 30-е гг., выяснения их судеб в условиях жестоких репрессий со стороны гражданской власти. Архиепископ Григорий (Козлов) по праву входит в число тех иерархов, чьим мужеством и верностью Православию выстояла Церковь в эпоху гонений. Будучи рукоположен во епископа в 1922 г., в период изъятия церковных ценностей и оголтелой антицерковной кампании в печати, он участвовал в важнейших событиях церковной истории 1920-х гг.: борьбе с обновленческим расколом, сохранении преемственности высшей церковной власти после смерти св. Патриарха Тихона, противодействии григорианскому расколу, попытке тайных выборов патриарха, в дискуссии о политике Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). За исповедание Православия он более 10 лет провел в тюремном заключении, лагере и ссылках. Его служение Церкви завершилось мученической гибелью в 1937 г.

Архиепископ Григорий, в миру Владимир Сергеевич Козлов, родился в Москве 20 марта 1883 г. в семье Сергея Дмитриевича и Александры Ивановны Козловых, происходивших из мещан г. Ростова Ярославской губернии. Проучившись около года в казенном Мясницком училище Москвы, он поступил в 4-ю московскую гимназию, которую окончил в 1901 г. В 1909 г. Владимир окончил историко-филологический факультет Московского Императорского университета. К этому времени он был женат и имел сына Николая (1907 г. рожд.). По окончании университета будущий святитель вступил на педагогическое поприще. Сначала он являлся учителем и заведующим московской Всехсвятской общественной гимназии. Затем семья переехала в Кострому, где с 15 ноября 1914 г. Владимир Сергеевич служил преподавателем русского языка и литературы, а также секретарем совета 2-й мужской гимназии (после 1917 г. – советской школы).¹

15 февраля 1919 г. Владимир Козлов был рукоположен во священника к костромской Всехсвятской церкви, а с 28 августа 1920 г. стал клириком Ильинской церкви Костромы². Отвечая позже (на допросе в ГПУ 8 января 1927 г.) на вопрос следователя о причинах, побудивших его «переменить профессию педагога на профессию служителя культа», епископ Григорий сказал, что «не мог оставаться преподавателем в

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 84-84об.; ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2860. Л. 5.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 84-84об.; ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2860. Л. 5.

безбожной школе, так как с детства был религиозно настроен и в основу своей системы воспитания полагал религиозно-нравственное начало»³. Следует особо подчеркнуть, что священнический сан будущий епископ принял в тот момент, когда уже вполне проявилась политика новой гражданской власти в отношении Церкви и ее служителей: были осквернены и ограблены многие православные святыни, ликвидировано множество храмов и монастырей, убиты десятки епископов и сотни священников. По декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви Русская Православная Церковь теряла права юридического лица и стала бесправным изгоем в новой России.

В 1920 г. священник Владимир Козлов был призван в армию. Однако поскольку по декрету СНК от 4 января 1919 г. лицам, которые по своим религиозным убеждениям не могут принимать участие в воинской службе, предоставлялось право на санитарную службу или иную общепользную работу, то его призвали служить в тыловом ополчении. С 20 августа 1920 г. отец Владимир являлся помощником инспектора Губернской военной окружной инспекции, а с февраля 1921 г. – заведующим конторой 7-й городской больницы. При этом он не прекращал священнослужение. В это время отец Владимир овдовел, принял монашеский постриг с именем Григорий и 2 апреля 1922 г. был хиротонисан во епископа Ветлужского, викария Костромской епархии⁴. Хиротонию в Москве возглавил Святейший Патриарх Тихон.

Епископ Григорий проживал в своем кафедральном городе Ветлуге, где в 1923 г. был впервые арестован. Он обвинялся по ст. 119 УК РСФСР, т.е. в «использовании религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или возбуждения к сопротивлению ее законам или постановлениям», – по-видимому, в связи с противодействием обновленческому расколу. Постановлением НКВД от 14 декабря 1923 г. он был освобожден, однако уже в феврале 1924 г. вновь арестован. Обвинялся по ст. 184-2. Постановлением Коллегии НКВД РСФСР от 15 февраля 1924 г. следственное дело было направлено в Московский губернский суд, но обвинительного приговора не последовало⁵. После освобождения продолжал служение на Ветлужской кафедре⁶.

12 апреля 1925 г. епископ Григорий участвовал в отпевании и погребении почившего св. Патриарха Тихона, а затем в историческом

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 85.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 20, 84об.; Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно): В 6 т. Erlangen, 1979–1989. Т. 2. С. 367; Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е.Губонин. М., 1994. С. 970.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 24, 25; За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1. М., 1997. С. 337.

⁶ См.: Кривошеева Н.А., Грюнберг П.Н. (публ.) Кирьянов Николай. Список архиереев, проживающих в России // Материалы по истории русской иерархии: Статьи и документы. М., 2002. С. 193. Список составлен Н. Кирьяновым в июле – ноябре 1924 г.

совещании православных архиереев в Донском монастыре. На этом совещании было вскрыто и оглашено завещательное распоряжение Святейшего Патриарха от 7 января 1925 г. о преемстве церковной власти, по которому права и обязанности Патриарха передавались Местоблюстителю митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову), в случае невозможности для него вступить в должность – митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), в случае невозможности и для последнего принять на себя обязанности Местоблюстителя – митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). Поскольку митрополиты Агафангел и Кирилл находились в ссылке, присутствовавшие при оглашении документа 60 (помимо митрополита Петра) архипастырей приняли следующее заключение, закрепленное собственноручными подписями: «Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенных обязанностей, Мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя»⁷. Подписи почти всех находившихся тогда на воле российских архиереев, и в их числе епископа Ветлужского Григория (Козлова), под актом о назначении патриаршего Местоблюстителя придали назначению митрополита Петра характер избрания⁸ и в условиях, когда созыв Поместного Собора был невозможен, обеспечили преемственность законной высшей церковной власти.

В феврале 1926 г. Преосвященный Григорий был назначен епископом Печерским, 1-м викарием Нижегородской епархии и заместителем Нижегородского митрополита по управлению епархией «в случае надобности»⁹. Он поселился вместе с близкими – сыном и престарелой матерью (в возрасте 71 года), в бывшем Печерском Вознесенском мужском монастыре, расположенном на правом берегу Волги в одной версте от Нижнего Новгорода, между самим городом и слободой «Старые Печоры». Нижегородскую кафедру с марта 1924 г. (и по апрель 1934 г.) возглавлял митрополит Сергей (Страгородский), с декабря 1925 г. принявший на себя обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Назначение в Нижегородскую епархию, под начало митрополита Сергея, сыграло важную – пожалуй, даже решающую – роль

⁷ Акты. С. 413 – 417; Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 415.

⁸ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. (История Русской Церкви. Т. 9). М., 1997. С. 126 – 127.

⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 84об.; Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи... С. 367; Акты. С. 970.

в позиции епископа Григория по дискуссионным вопросам церковной жизни конца 1920-х – 1930-х гг., в которых он неизменно поддерживал политику и все действия митрополита Сергия на посту Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, которые были направлены на легализацию положения Церкви в Советской России, на противодействие внутрицерковным расколам и разделением.

В начале 1926 г. Преосвященный Григорий поддержал позицию митрополита Сергия в отношении инспирированного ОГПУ нового раскола и раскольнического органа церковной власти – Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС) под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). 2 апреля 1926 г. Печерский vicарий подписал «Суждение двадцати пяти архипастырей по поводу раздорнической деятельности “григорианцев” (ВВЦС) и канонических мер прещения, предпринятых против них со стороны Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия»¹⁰.

Осенью того же года епископ Григорий принял участие в попытке заочного, через сбор подписей архиереев, избрания патриарха. Созыв для этой цели Поместного Собора был невозможен, в то же время законный глава Церкви был необходим, чтобы положить конец церковным разделением и расколам. Инициаторами тайных выборов являлись епископ Рыльский Павлин (Крошечкин) и архиепископ Свердловский Корнилий (Соболев). Кандидатом в патриархи был намечен первый из архиереев, назначенных в Местоблюстители Патриаршего Престола по завещанию св. Патриарха Тихона, – митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), срок ссылки которого скоро заканчивался. Митрополит Сергей сомневался в целесообразности этой акции, опасаясь репрессий со стороны гражданской власти, но все же поддержал проведение выборов. Практически процедура выборов заключалась в том, что несколько доверенных лиц епископа Павлина объезжали православных архипастырей и собирали сведения о том, за кого из кандидатов на патриарший престол они отдали бы свой голос¹¹. Одним из первых подписал акт об избрании митрополита Кирилла на Патриарший Престол епископ Григорий (Козлов). Однако, поддержав процедуру заочных выборов по существу, он не соглашался с обязательностью предложенной кандидатуры. Позже на следствии по этому делу Преосвященный заявил: «Я не знаю, кого бы там выбрали, но митрополит Сергей в качестве патриарха был бы для меня приемлем»¹². К ноябрю 1926 г. под актом избрания митрополита Кирилла патриархом имелись уже подписи 72-х епископов, но в это время начались аресты. В

¹⁰ Акты. С. 449 – 450.

¹¹ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. С. 154.

¹² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 84об.

первую очередь были арестованы инициаторы заочных выборов и ряд епископов, чьи подписи стояли под документом первыми.

22 декабря 1926 г. епископ Григорий был вызван повесткой в Нижегородский губотдел ОГПУ, где в 6-м часу вечера арестован и под конвоем отправлен в Москву. С 24 декабря он содержался в Бутырской тюрьме. По делу проходил вместе с митрополитом Сергием (Страгородским), архиепископом Корнилием (Соболевым), епископами Рыльским Павлином (Крошечкиным) и Ковровским Афанасием (Сахаровым). Первоначально Преосвященный Григорий обвинялся по ст. 58-12 УК РСФСР – в том, что «оказывал содействие реакционной церковной группировке, поставившей своей задачей борьбу с Соввластью при помощи церкви»¹³. Позже он был включен следствием в состав этой «черносотенной группировки церковников, ведущих за собой всю церковь»¹⁴. Согласно ходатайству ОГПУ от 12 февраля 1927 г., содержание всех арестованных под стражей было продлено еще на два месяца, а 29 апреля Постановлением Особого Совещания ПП ОГПУ епископ Григорий был осужден по ст. 58-6 УК РСФСР «за участие в антисоветской группе архиереев» и распространение «антисоветского документа – “Соловецкой декларации”» («Памятной записки» заключенных на Соловках епископов по вопросу отношений с государством, обращенной к правительству СССР) и приговорен на 3 года исправительно-трудовых лагерей с отбыванием в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения (СЛОН ОГПУ)¹⁵.

В апреле-мае 1927 г. Преосвященный Григорий вместе с «однодельцами» архиепископом Корнилием и епископом Афанасием был отправлен по этапу на Соловки через ленинградскую пересыльную тюрьму – старую царскую тюрьму «Кресты» на Арсенальной набережной. Конечной целью этапа был Попов остров на Белом море, в Карелии, на 40 км западнее Соловецких островов. На Попове острове располагался один из перераспределительных пунктов СЛОН; здесь епископ Григорий находился в мае-июне 1927 г. одновременно с репрессированными архиепископами: Воронежским Петром (Зверевым), Херсонским Прокопием (Титовым) и Корнилием (Соболевым), епископами Дмитриевским Иоасафом (Жеваховым) и Афанасием (Сахаровым).¹⁶ Владыка был распределен в рабочую роту I-го отделения СЛОН, размещавшегося в стенах самого Соловецкого монастыря на Большом Соловецком острове. Работал на продуктовом складе вместе с архиепископом Петром (Зверевым), о чем последний писал близким

¹³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 86.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 48.

¹⁵ Данные Информационного центра УВД Нижегородской области; ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2860. Л. 5; ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 78.

¹⁶ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию Святителя Афанасия, епископа Ковровского. М., 2000. С. 21, 238.

верующим 9 марта 1928 г.: «Я... работаю по счетоводству в продовольственном складе, где занимаются одни священники. Тут же живу в малой комнатке вместе с Пр[еосвященным] Григорием, Еп[ископом] Печерским из Нижнего»¹⁷.

До 1929 г. заключенное на Соловках духовенство занимало сравнительно привилегированное положение. Епископы и священники жили отдельно. Большинство работали сторожами или каптерами, как правило, их назначали на работу в дневную смену. Духовенство ходило в рясах, волос не стригло, соблюдало принятые в церковной среде обычаи: «при встрече с высшими иерархами [они] подходят под благословение, троекратно целуются при встречах», писал современник¹⁸. В бывшей обители власти оставили для соловецких монахов, работавших в лагере по вольному найму, одну действующую церковь – св. преподобного Онуфрия Великого, на монастырском кладбище. Служба в церкви совершалась ежедневно: в 6 часов вечера всенощная и в 4 часа утра литургия. Посещать службы разрешалось и заключенному духовенству, монахиням и мирянам, оказавшимся в лагере по церковным делам. Однако лагерный режим, а вместе с ним и порядок посещения церкви постоянно менялись. «Иногда священнослужителям разрешалось ходить в церковь и даже служить на Рождество и Пасху, иногда они получали право служить каждое воскресенье, иногда – в свободное от занятий время, т.е. до поверки в 6 часов утра. Потом неожиданно совсем запрещалось, а через месяц разрешали снова. Соловецкое начальство строго следило за тем, чтобы в церковь допускались только осужденные по церковному делу»¹⁹. «Одна у нас радость и утешение, – писал с Соловков 2 сентября 1927 г. близкий к архиепископу Петру (Звереву) архимандрит Иннокентий, – это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно и вспоминаются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться и когда всех вспомнишь, легко, легко на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным».²⁰ Наряду со службой в Онуфриевской церкви служили и келейно, – в камерах духовенства разрешалось иметь иконы, стояли лампадки.²¹

В 1928 г. (после 9 марта, возможно, осенью) условия заключения для епископа Григория резко ухудшились, т. к. он был переведен на Анзер – второй по величине остров Соловецкого архипелага, находящийся в 4 км к северу от Большого Соловецкого острова, зимой практически от него

¹⁷ Письма архиепископа Петра из Соловецкого заключения // Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. М., 1994. Ч. 2. С. 63.

¹⁸ Цит. по: Резникова И. Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 11.

¹⁹ Цит. по: Резникова И. Православие на Соловках. С. 10.

²⁰ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Ч. 2. С. 61.

²¹ Резникова И. Православие на Соловках. С. 11.

отрезанный. Никаких работ в Анзерском лагпункте не производилось, фактически это был изолятор с крайне тяжелыми условиями для жизни, хотя иногда и с Анзера разрешалось приезжать на Соловки в церковь причащаться.²²

По отбытии полного срока наказания решением ОГПУ от 23 ноября 1929 г. в соответствии со ст. 209/1 епископ Григорий был лишен права проживания в ряде областей России, в том числе в Нижегородском крае, с прикреплением к определенному месту жительства на 3 года – и сослан в Нарымский край (Западная Сибирь)²³; точное место ссылки не известно. По окончании этого срока наказания 28 ноября 1932 г. он был вновь по той же ст. 58-6 УК РСФСР дополнительно осужден постановлением Тройки ПП ОГПУ Западно-Сибирского края и лишен права проживания в 12 населенных пунктах сроком еще на 3 года²⁴. В 1932 – 1935 гг. проживал в ссылке в г. Орел²⁵.

Заключение и ссылки не сломили дух епископа Григория. Находясь вдали от церковных событий, он постоянно размышлял о судьбах Церкви, поддерживал переписку с другими архиереями. Так, до середины 1933 г. он обменивался письмами по церковным вопросам со своим бывшим «однодельцем» епископом Афанасием (Сахаровым). Эта переписка прекратилась в связи с пребыванием последнего на свободе, после Туруханской ссылки, «большую частью “тайно образующе”»²⁶. По-видимому, более важной причиной прекращения переписки было расхождение во взглядах на церковную политику, проводимую Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Как свидетельствовал позже епископ Афанасий (на допросе 4 марта 1944 г.), в 1931 г. он написал находившемуся в ссылке епископу Григорию письмо, в котором изложил свое отрицательное отношение к митрополиту Сергию, обвинив последнего в нарушении церковных правил – в превышении церковной власти, в занятии места блюстителя Церкви митрополита Петра Крутицкого; а также указал, что в соответствии с церковными канонами епископам следует заявить свой протест и порвать с митрополитом Сергием всякое общение, объявив ему церковный бойкот. Однако епископ Григорий категорически не согласился с такой точкой зрения, поддержав тактику митрополита Сергия по налаживанию церковно-государственных отношений.²⁷

Епископ Григорий был освобожден из ссылки 7 декабря 1935 г.²⁸ В январе 1936 г. он принял назначение от митрополита Сергия на Уфимскую

²² Там же. 134, 10 – 11.

²³ Данные Информационного центра УВД Нижегородской области.

²⁴ Данные Информационного центра УВД Орловской области.

²⁵ Мануйл (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи... Т. 2. С. 367; Резникова И. Православие на Соловках. С. 134.

²⁶ Молитва всех вас спасет... С. 22, 219.

²⁷ Там же. С. 232 – 233.

²⁸ Данные Информационного центра УВД Нижегородской области.

кафедру, прибыл в Уфу и 31 января встал на учет в БашЦИК по делам культов²⁹. Районом деятельности архиеерея были указаны «пределы Башреспублики». Новый Преосвященный титуловался по названию только одного – кафедрального – города, как «епископ Уфимский». В июле 1937 г. (между 13 и 28 июля) он был возведен в сан архиепископа. Проживал Владыка напротив уфимского кафедрального Сергиевского собора в скромном церковном доме по ул. Менделеева, № 16.

С 1927-го по 1937-й г. на территории Башкирской АССР сосуществовали три епархии разных церковных течений с кафедрой в г. Уфе: Уфимская православная епархия «сергиевской ориентации» (находившаяся в каноническом общении и административном подчинении митрополиту Сергию); автокефальная староцерковническая Уфимско-Челябинская епархия (непоминающих «андреевского» течения, подчинявшаяся архиепископу Андрею (Ухтомскому) и его преемникам) и Уфимская обновленческая епархия. По данным на 1934-й год, в состав «сергианской» епархии входило 185 приходов, т.е. 78% из ок. 237 всех действующих приходов³⁰; в состав обновленческой епархии – 31 приход (13%)³¹; к автокефальному течению относилось (на территории Башкирии) немногим более 21 прихода (9%)³². Поддержка различных внутрицерковных разделений, использование их для ослабления Церкви и ее дискредитации в глазах верующих оставались одним из важных направлений антицерковной политики НКВД и в 1930-е гг. Под определенным влиянием властей в середине 1930-х гг. Управляющий Уфимско-Челябинской автокефальной епархией епископ Руфин (Брехов) активизировал борьбу с «сергиевским течением». Одним из первых крупных храмов, захваченных автокефалистами летом 1935 г., был Тихвинский собор гор. Стерлитамака – единственный оставшийся действующим православный храм города. Горсовет передал его общине автокефального течения несмотря на то, что количество прихожан сергиевского течения, по некоторым сведениям, было в три раза большим³³. В октябре 1935 г. епископ Руфин назначил протоиерея г. Стерлитамака Василия Левицкого особым «Благочинным и Уполномоченным для организации общин верующих автокефального течения по всей Башреспублике», т.е. ответственным за активизацию перехода сергиевских общин в автокефальную епархию³⁴. Противодействие политике автокефалистов стало одной из сложных проблем, с которой столкнулся Преосвященный Григорий в Уфе. На протяжении 1936–37 гг. шла борьба за ряд сельских храмов Башкирии, в

²⁹ ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2860. Л. 5.

³⁰ ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2886. Л. 6 – 15.

³¹ ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2885. Л. 1 – 2.

³² ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2883. Л. 23 – 24.

³³ ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2763. Л. 58, 91, 103 – 107.

³⁴ ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2860. Л. 19.

частности, за ряд церквей в Стерлитамакском районе: в селах Помряскино, Наумовка, Ивановка (Красноусольского РИКа); причем, последняя перешла из сергиевской ориентации в автокефальную, а затем обратно³⁵. Однако основная борьба развернулась за Сергиевский храм г. Уфы, собор православных сергиевского течения. Автокефалистам удалось захватить собор только после 1 августа 1937 г., когда архиепископ Григорий и весь причт собора были арестованы.

2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение № П51/94, направленное Наркомуну внутренних дел Союза ССР и секретарям областных комитетов партии за подписью И.В.Сталина, о взятии на учет всех возвратившихся из заключения антисоветских элементов, в т. ч. церковников, «с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через Тройки». В течение июля шла усиленная подготовка к началу операции. 23 июля 1937 г. Управлением гос. безопасности НКВД Башкирской АССР была составлена справка на арест архиепископа Григория (Козлова) в связи с тем, что он якобы «является одним из руководителей к./р. организации, ведет антисоветскую агитацию против мероприятий соввласти и колхозного строительства, распространяет провокационные слухи о войне, высказывает пораженческие настроения», а потому «подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58-10-11 УК РСФСР». 28 июля был выписан ордер на арест архиерея.

30 июля 1937 г. Наркомом внутренних дел Н. Ежовым был отдан оперативный приказ № 00447 о репрессировании активных антисоветских элементов, в т. ч. церковников, и уже 1 августа 1937 г. архиепископ Григорий был арестован вместе со всем клиром Сергиевского собора г. Уфы: протоиереями Геннадием Евarestовым (секретарем Епархиального Совета), Феодором Геллертовым, Иоанном Слесаревым и Иоанном Егоровым, с отнесением их к 1-й категории репрессируемых, т. е. наиболее враждебных антисоветских элементов, подлежащих, по рассмотрении их дел на тройках, расстрелу. Арестованные содержались под стражей в Уфимской тюрьме. 14 августа архиепископу Григорию было предъявлено обвинение в том, что он является «одним из руководителей контрреволюционной организации церковников, использовал свое положение правящего епископа для насаждения во главе церковных приходов служителей культа из числа отбывших наказание за контрреволюционную деятельность, озлобленных на Сов. власть, для сколачивания к./р. групп с повстанческими диверсионными заданиями и для фашистско-монархической пропаганды». Признать себя виновным Владыка категорически отказался. После этого следствие

³⁵ ЦГИА Респ. Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 2763. Л. 25 – 26, 27 – 30; Д. 2860. Л. 16 – 49.

приостановилось, – очевидно, из Москвы ожидали более детальных разъяснений, каких именно показаний следует добиваться от заключенных.

Следствие возобновилось только к ноябрю 1937 г., когда в соответствии с инструкциями из центра от архиепископа Григория потребовали: 1) признания в участии в деятельности Уфимского контрреволюционного повстанческого центра, в состав которого якобы входили также епископ Уфимский обновленческий Сергей (Корнеев) и епископ автокефальной Уфимско-Челябинской епархии Руфин (Брехов), то есть в руководстве объединенной повстанческой организацией церковников разных течений; 2) признания «установленного» следствием «факта», что «организация была создана и действовала по директивам всесоюзного объединенного центра церковников в Москве, возглавляемого митрополитом Сергием Страгородским и другим высшим духовенством»³⁶. Подобного рода обвинения в это же время предъявлялись архиереям разных течений по всей стране. Очевидно, политическое руководство СССР приняло решение о полной ликвидации одним мощным ударом церковных организаций всех течений и высшего церковного руководства во главе с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием.

Согласно обвинительному заключению, архиепископ Уфимский Григорий и другие проходившие по делу лица обвинялись в создании в Башкирии контрреволюционной повстанческой организации церковников, которая была создана по заданию митрополита Сергия (Страгородского) и ставила своей задачей «свержение Советской власти и установление фашистского режима путем вооруженного восстания внутри страны, приурочивая его к началу интервенции» против СССР. Владыка обвинялся также в руководстве объединенным Уфимским контрреволюционным повстанческим центром церковников всех течений, в вербовке участников из числа священников, в создании в районах Башкирии ряда повстанческих отрядов численностью до 500 человек, в практическом осуществлении руководства по подготовке вооруженного восстания против Советской власти³⁷.

Архиепископ Григорий виновным себя не признал. По заключению официальной экспертизы, проведенной в 2005 г., его подпись под «признательными показаниями» в напечатанном протоколе допроса от 5 ноября 1937 г. фальсифицирована, как и подписи некоторых других проходивших по этому делу священнослужителей.

Постановлением Тройки НКВД Башкирской АССР от 21 ноября 1937 г. архиепископ Григорий (Козлов) был приговорен к высшей мере

³⁶ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-6960. Л. 165.

³⁷ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-6960. С. 165 – 168; Васильева И.Л., Зимина Н.П. Дело антисоветского фашистского центра церковников (Башкирия, 1937 г.) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 1998 г. М., 1998. С. 216 – 222.

наказания. Приговор приведен в исполнение 29 ноября 1937 г. в Уфе, место захоронения не известно.³⁸

О приговоре Тройки и судьбе архиепископа Григория церковное руководство точных сведений долго не имело. Начавшееся в сентябре 1943 г. «потепление» в отношении государства к религиозным конфессиям позволило патриарху Сергию (Страгородскому) ходатайствовать перед властями об амнистии группы репрессированных ранее священнослужителей. 27 октября 1943 г. он направил председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР Г.Г.Карпову заявление, в котором говорилось: «Прошу Вас возбудить перед Правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением...»³⁹ К заявлению был приложен список, в котором значился и архиепископ Григорий (Козлов); однако большинство из перечисленных архиереев (за исключением одного), как и Высокопреосвященный Григорий, были уже расстреляны или погибли в лагерях.

Козлов Владимир Сергеевич (архиепископ Григорий) был реабилитирован государством: по приговору 1927 г. -- решением Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 29 июня 1992 г., на основании ст. 3 п. «б» и ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», от 18 октября 1991 г.⁴⁰; по приговору 1937 г. – Определением Президиума Верховного Суда Башкирской АССР от 4 мая 1960 года⁴¹.

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Диакон Александр Занемонец (Москва – Иерусалим)

К вопросу об историчности и значении Иерусалимского собора 1443 г.

В истории вопроса о рецепции / отвержении православным востоком решений Флорентийского собора 1439 г. особую роль играет не совсем ясное событие, произошедшее, как кажется, в Иерусалиме в апреле 1443 г., через четыре года после подписания Флорентийской унии. Одни исследователи считали состоявшуюся там встречу нескольких православных архиереев официальным соборным отвержением униатских решений, другие, напротив, даже сомневались в том, имел ли вообще место этот собор. Ниже мы попробуем разобраться с его историчностью и

³⁸ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-6960; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 3. Уфа, 2001. С. 153.

³⁹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995. С. 116; Цыпин В., прот. История Русской Церкви. С. 304.

⁴⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639.

⁴¹ Архив УФСБ РФ по Респ. Башкортостан. Д. ВФ-6960; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 3. С. 153.